

Глава 14

Через три дня после рождения старшего, на рассвете, из второго яйца тоже кто-то вылупился.

Тао Цю хорошо видел в темноте, так что не рисковал ткнуть мясом птенцу в глаз. Проснувшись от писка старшего и проворно накормив его, он опустил взгляд и увидел, что на одном из оставшихся яиц скорлупа уже треснула по кругу.

Сон как рукой сняло. Тао Цю напряжённо уставился на яйцо, ожидая появления второго птенца и готовый в любой момент прийти на помощь, чтобы предотвратить трагедию.

Вторая вылуплялась немного дольше старшего, но, похоже, была сильнее. Если старший выползал из скорлупы, то эта птенчиха одним движением лапок отшвырнула её в сторону.

Это действие выглядело настолько мило и одновременно забавно, что Тао Цю не сдержал смеха.

Возможно, почувствовав насмешку отца, вторая, едва оказавшись в новом перьевом гнездышке, тут же начала надирать глотку. Она оказалась ещё более голосистой, чем старший, не давая Тао Цю ни минуты покоя.

К счастью, тот уже был опытным отцом и быстро заткнул маленький клювик кусочками мяса.

К огромной радости Тао Цю, время кормления у старшего и второго птенца практически совпадало. Если бы они будили его по очереди, его голова, скорее всего, взорвалась бы.

Чтобы не перепутать их ночью, Тао Цю дождался следующего дня и проверил пол второго птенца. Это была девочка.

Дочь пошла в него — вся белоснежная. Когда её тонкий пух высох, она, свернувшись клубочком, стала похожа на пирожное «моти». Тао Цю был так очарован, что у него постоянно возникало грешное желание схватить её и съесть.

Проведя несколько дней с двумя птенцами, Тао Цю заметил между ними явные различия.

Старший, помимо еды и сна, почти не двигался. Он ещё не открыл глаза и пищал только от голода, поэтому Тао Цю не мог понять, когда тот спит по-настоящему, а когда просто дремлет.

Он был больше похож на невозмутимую маленькую черепашку, чем на птенца.

Вторая была совсем другой. Она так же инстинктивно ела, спала большую часть дня, но в редкие моменты бодрствования была совершенно неугомонной.

Несмотря на то, что она ничего не видела, она постоянно вытягивала свой маленький клювик и лапки, исследуя гнёздышко.

Если «опасности» не было, она двигалась вперёд. Если же натыкалась на «опасность», то в панике отступала назад, дрожа всем тельцем так, будто вот-вот растеряет весь свой пух.

Но уже через мгновение она вновь обретала смелость и продолжала свои исследования в неизведанном направлении.

Тао Цю находил это забавным и, когда было время, с удовольствием наблюдал за её приключениями. Иногда он не мог удержаться от злой шутки и внезапно пугал дочку, дотрагиваясь до неё или ставя перед ней какой-нибудь предмет.

Поначалу она пугалась, но со временем, видимо, поняла, что эти «опасности» не причиняют ей вреда. К тому же, благодаря постоянной заботе и кормлению, она привыкла к запаху и присутствию Тао Цю. Вскоре она превратилась в смелую птичку, отбросив всякую осторожность и начав беззаботно исследовать всё вокруг.

Теперь уже вздрагивал Тао Цю. Он боялся, что она, мечась по гнезду, ушибётся или упадёт, поэтому теперь следил за ней гораздо внимательнее, чем за старшим.

Любую потенциальную угрозу для дочки он пресекал на корню.

В результате вторая стала ещё более бесстрашной. Не успев открыть глаза, она уже пыталась махать крыльями и взлететь.

Тао Цю нужно было патрулировать территорию и охотиться, он не мог постоянно присматривать за ней. Поэтому он выходил из пещеры, только когда она спала. Боясь, что, проснувшись, она натворит бед, он специально построил для неё загончик из камней, выстав его перьями, и сажал её туда.

Он уходил в спешке и в спешке же возвращался.

Измотанный физически и морально, Тао Цю думал: «...»

Неудивительно, что говорят, будто дети — опора в старости. Он ещё не состарился, а из-за детей уже рисковал умереть молодым.

Пока отец и его беспокойная дочка вели свои маленькие сражения, старший оставался

невозмутимым, как скала, и ничто не могло вывести его из равновесия.

Казалось, только если небо упадёт на землю, он хоть немного шелохнётся.

Шесть дней спустя, на ладони Тао Цю, старший открыл глаза. Они были такого же зелёного цвета, как у отца, только немного темнее.

Первое, что он увидел, было лицо Тао Цю. Привыкнув к новому ощущению, старший с нежностью потёрся о его руку и тихо пискнул.

За эти дни он уже запомнил запах отца, и теперь, наконец увидев его, он бессознательно принял его за весь свой мир.

Тао Цю погладил птенца по маленькой головке, улыбаясь, но в душе его таилась тревога.

Он радовался, что старший растёт здоровым, но беспокоился о другом: прошло столько дней, а последнее яйцо так и не подавало признаков жизни.

Просветив его на солнце, он увидел, что тёмное пятно внутри почти не двигалось. Это вызвало в нём нарастающую панику.

Это яйцо, похоже, ждала та же участь, что и его невылупившихся братьев и сестёр.

Хотя он и готовил себя к этому, говоря, что у каждого своя судьба, сейчас, глядя на вылупившихся старшего и второго птенца, он чувствовал невыносимую грусть.

Мысль о том, что третья, такая же живая душа, может так и не появиться на свет, камнем лежала у него на сердце.

Возможно, почувствовав подавленное настроение Тао Цю, даже самая непоседливая из птенцов, вторая, в последние два дня вела себя тише. Старший, заметив, что отец постоянно смотрит на яйцо, понял его важность и часто подходил и легонько тёрся о скорлупу, словно подбадривая того, кто был внутри.

В тот день Тао Цю отправился на охоту. Едва вернувшись к входу в пещеру, он услышал изнутри два взволнованных писка.

Старший всегда был спокоен, и если уж он разволновался, значит, случилось что-то серьёзное.

Тао Цю бросил добычу и, приняв человеческий облик, быстро вбежал внутрь.

В пещере вторая, ещё не открывшая глаза, отчаянно пицала в своём каменном «загончике», хлопая крыльями, словно пытаясь вылететь.

А в большом гнезде, где лежало третье яйцо, маленькое одеяльце, укрывавшее его, было откинуто в сторону — видимо, это сделал старший.

Он кружил вокруг невылупившегося яйца, время от времени отвечая на писк сестры, словно успокаивая её.

Птенцы были слишком малы, чтобы точно выразить свои мысли, и Тао Цю понимал их лишь примерно.

Он подбежал ближе. Старший, увидев его, тут же замолчал и, ткнувшись клювом в яйцо, дал понять, что проблема в нём.

Тао Цю присел и внимательно осмотрел яйцо. Он увидел, что в скорлупе проклюнулось маленькое отверстие — дыхательное. Рядом с ним виднелась трещинка. Он хорошо знал такие — птенец пробивал себе путь наружу.

Последний птенец не умер и собирался вылупляться!

Но радость Тао Цю была недолгой. Реальность окатила его холодной водой: яйцо было неестественно тихим. Не было слышно, как птенец борется со скорлупой, в отличие от старшего и второго.

Некоторые птенцы, не успев полностью развиться в яйце, находят в себе силы проклюнуть скорлупу, но могут умереть на полпути от истощения.

Старший и вторая, должно быть, заметили это, и, судя по их панике, это продолжалось уже довольно долго.

Тао Цю приложил яйцо к уху. Ему показалось, или он действительно услышал биение сердца, хоть и очень слабое.

Птенец был жив, но на грани.

Не раздумывая, Тао Цю начал осторожно отламывать кусочки скорлупы, чтобы помочь ей

выбраться.

Он действовал очень аккуратно. Отломив верхнюю часть, он увидел маленькую белую птенчиху, свернувшуюся в жидкости с прожилками крови. Зрелище было душераздирающим.

Помог птенцу преодолеть самый трудный этап, Тао Цю остановился. Он лишь мягко придерживал нижнюю часть скорлупы, надеясь, что малышка найдёт в себе силы выбраться из остатков своего домика самостоятельно.

Пока Тао Цю ждал, старший и второй птенец были рядом. Уже давно прошло время их кормления, но ни один из них не издал ни звука. Даже вторая, которая ненавидела сидеть в своём каменном «загончике», послушно лежала, почти не шевелясь.

Погружённый в тревогу, Тао Цю потерял счёт времени. Он не знал, сколько прошло, но на его глазах кровавые прожилки в скорлупе постепенно впитались в тельце птенца, и тот, кто казался безжизненным, медленно начал подавать признаки жизни.

Несмотря на то, что Тао Цю отломил половину скорлупы, птенцу всё равно было очень трудно выбраться. Старший уверенно выполз, вторая отшвырнула скорлупу лапками, а эта, третья, двигалась так, словно увязла в болоте — после каждого движения ей требовался долгий отдых.

Сердце Тао Цю сжималось от беспокойства, но руки его были твёрдыми, как скала. Он боялся спугнуть этого крошечного борца.

Наконец, после долгих усилий, тельце птенца освободилось от скорлупы, внутри остались только две маленькие лапки.

Птенец был совершенно измотан. Он долго лежал на краю скорлупы, не двигаясь, восстанавливая силы дольше, чем старший и вторая вместе взятые.

Придя в себя, третья не запищала, как её брат и сестра. Возможно, она была голодна, но у неё не было сил просить еды. Она даже не могла поднять голову, лишь слабо приоткрыла клювик и издала едва слышный стон.

Судя по всему, самостоятельно есть она не сможет.

Тао Цю отложил скорлупу в сторону, рядом со скорлупками старшего и второй, а затем перенёс маленькую птенчиху в новое перьевое гнездышко. Он осторожно разжал её клювик и, прежде чем дать мясо, прокусил себе палец и капнул в ротик несколько капель своей крови.

Он знал о целительной силе своей крови. Эта небольшая боль и несколько капель крови были ничем по сравнению с надеждой, что это поможет птенцу.

Даже вылупившись, она была настолько слаба, что могла умереть в любой момент.

Боясь навредить, Тао Цю дал ему всего две капли, решив действовать постепенно.

Когда Тао Цю кормил третьего, старший был рядом. Он уловил незнакомый запах крови и, подняв голову, увидел кровоточащий палец отца. Хотя он ещё мало что понимал, инстинкт подсказывал ему, что это нехорошо.

Он встревоженно запищал и легонько клюнул Тао Цю.

Тао Цю нашёл секунду, чтобы погладить его по голове, и мягко успокоил:

— Я в порядке, не волнуйся.

Услышав писк брата, вторая тоже поняла, что напряжение спало, и начала шуметь, привлекая к себе внимание.

Только тогда Тао Цю вспомнил, что она всё ещё «взаперти», и поспешно достал её.

И в этот момент он заметил, что она уже открыла глаза. Они были такими же зелёными, как у него, и даже оттенок был очень похож.

Перед уходом он точно помнил, что её глаза были закрыты. Вернувшись, он был так поглощён заботой о третьем, что даже не заметил, когда она их открыла.

Тао Цю погладил её и виновато проговорил:

— Прости, я не заметил.

Такой важный момент он должен был увидеть своими глазами.

Вторая посмотрела на Тао Цю, словно запоминая его лицо, а затем послушно потёрлась о его руку, будто говоря: «Ничего страшного».

Тао Цю почувствовал облегчение и нежность, но времени на эмоции не было. Он повернулся и продолжил кормить третьего, только на этот раз уже мясом.